

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сигал К. Я. Русский сентиментализм сквозь призму пунктуационной стилистики / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 109—131. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-109-131.

Seagal, K. Ya. (2026). Russian Sentimentalism through the Lens of Punctuation Stylistics. *Nauchnyi dialog*, 15 (2): 109-131. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-109-131. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Русский сентиментализм сквозь призму пунктуационной стилистики

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Russian Sentimentalism through the Lens of Punctuation Stylistics

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief Research Scientist,
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается описание пунктуационной стилистики русского сентиментализма, то есть стилистически целесообразного употребления знаков препинания в соответствии с эстетическими установками этого литературного направления. В качестве материала для исследования использована первая публикация повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», состоявшаяся в 1792 году в «Московском журнале», который издавался самим писателем. Актуальность исследования обусловлена тем, что к пунктуационной стилистике применен конкретно-исторический подход, позволяющий учесть как особенности пунктуационного узуса и пунктуационной кодификации в русском языке конца XVIII века, так и общие пунктуационные предпочтения, свойственные европейскому сентиментализму. Установлено, что стилистическую доминанту русского сентиментализма образует речевая манифестация чувствительно-эмоционального сопровождения сюжетной динамики, способная побудить читателя к сопереживанию. При объективации этой стилистической доминанты происходит выдвижение на первый план особой пунктуационной микросистемы, состоящей из вопросительного и восклицательного знаков, тире и многоточия. Показано, что экспрессивные приемы употребления этих четырех знаков препинания позволяют графически точно передать эмоциональную речь рассказчика и персонажей. Сделан вывод о том, что пунктуационная стилистика зарождается именно в русском сентиментализме.

Ключевые слова:

пунктуация; пунктуационная стилистика; русский сентиментализм; стилистическая доминанта; стилистическое выдвижение знаков препинания; Н. М. Карамзин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study offers an analysis of punctuation stylistics in Russian sentimentalist literature, focusing on the deliberate use of punctuation marks to align with the aesthetic principles of this literary movement. The research material is drawn from the first publication of Nikolai Mikhailovich Karamzin's novella "Poor Liza", which appeared in his own journal "Moscow magazine" in 1792. The relevance of this investigation lies in its application of a specific historical approach that takes into account both the particularities of late eighteenth-century Russian punctuation usage and codification practices as well as broader European sentimental trends. It has been established that the stylistic hallmark of Russian sentimentalism involves the linguistic expression of emotional sensitivity accompanying narrative dynamics, capable of evoking empathy in readers. In objectifying this stylistic focus, special prominence is given to a microsystem consisting of question marks, exclamation points, dashes, and ellipses. The expressive deployment of these four punctuation marks allows for precise graphic representation of emotionally charged speech by narrators and characters alike. Ultimately, it is concluded that the emergence of punctuation stylistics finds its roots specifically within Russian sentimentalism.

Key words:

punctuation; punctuation stylistics; Russian sentimentalism; stylistic dominant; stylistic foregrounding of punctuation marks; N. M. Karamzin.

УДК 811.161.1*367+003.086

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-109-131

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Русский сентиментализм сквозь призму пунктуационной стилистики

© Сигал К. Я., 2026

К 260-летию со дня рождения Н. М. Карамзина

О торжество чувствительности даже и в самой
Грамматикъ!....

Н. М. Карамзинъ

Wie aber <...> lassen sich die interessanten von den
uninteressanten Satzzeichen scheiden? — Genau dafür
bedarf es einer Stilistik der Interpunktion.

A. Nebrig, C. Spoerhase

1. Введение = Introduction

Как известно, пунктуация, будучи по своему происхождению вспомогательной системой внеалфавитных графических знаков, в процессе использования в речевой деятельности пишущих получает «привязку» к синтаксическим структурам, к иллокутивным целям и смысловым отношениям, а также к интонационным конструкциям. Подобная метаязыковая обусловленность пунктуационного маркирования способствует тяготению всех без исключения знаков препинания к стилистически осмысленному употреблению. Тот факт, что знаки препинания (безусловно, при взаимодействии с общим контекстом высказывания) приобретают способность к созданию и передаче определенных изобразительных и / или выразительных эффектов, причем особенно в художественных текстах, стал основанием для появления такого нового аспекта в рамках исследования пунктуационного узуса, как пунктуационная стилистика.

Несмотря на то, что к объяснению стилистической функции знаков препинания лингвисты обращались еще более полувека назад (ср., например,

[Макарова, 1967]), сам термин *пунктуационная стилистика* был предложен Б. С. Шварцкопфом лишь в 1990 году [Шварцкопф, 1990]. Затем этот термин, равно как и обозначаемый им аспект в исследовании употребления знаков препинания, оказался в поле зрения не только русистов, но также литуанистов (ср. *skyrybos stilistika* у Ю. Абаравичюса [Abaravičius, 2001]) и германистов (ср. *Stilistik der Interpunktion* у А. Небрига и К. Шперхазе [Nebrig et al., 2012]).

Существенно, что пунктуационная стилистика обобщает приемы стилистически релевантного использования знаков препинания преимущественно в синхронии. Однако те явления, которые изучаются в пунктуационной стилистике, имеют свою диахроническую судьбу и характеризуются исторической подвижностью. Более того, сама пунктуационная система складывается довольно долго: так, например, знаки «тире» и «многоточие», ставшие важнейшими ресурсами пунктуационной стилистики, закрепились в русском пунктуационном узусе только к концу XVIII века. Вообще говоря, конец XVIII века является тем периодом, когда не только в основных своих чертах сложилась пунктуационная система русского языка, но и возник прецедент пунктуационного обеспечения стилистических потребностей отдельного литературного направления, а именно русского сентиментализма (в иной терминологии — преромантизма [Кочеткова, 1994, с. 3]).

Важно отметить, что для сентиментализма, ставящего во главу угла чувствительность как этический концепт и вследствие этого вырабатывающего особый чувствительно-эмоциональный способ повествования, знаки препинания оказались крайне востребованы именно как средства стилистической сигнификации и стилистического дейксиса. В специальной литературе встречается термин *сентиментальная пунктуация*, обозначающий «нагромождение знаков препинания, призванных графически передать эмоциональный спектр» [Богданов, 2022, с. 243], и вместе с тем фиксирующий негативную оценку этого явления. Однако при анализе художественных текстов, созданных русскими сентименталистами (прежде всего Н. М. Карамзиным), лингвисты, литературоведы и даже психологи неизменно обращают внимание на стилистическую ценность отдельных знаков препинания: многоточия [Поспелов, 1970, с. 207], многоточия и восклицательного знака [Собкин, 2020, с. 123, 128], многоточия и тире [Богданов, 2022], тире [Чупашева, 1994].

При этом русский сентиментализм еще не был подвергнут целостному пунктуационно-стилистическому исследованию. Во многом из-за этого допускаются неточные суждения, касающиеся стилистической диахронии некоторых знаков препинания. Так, Б. С. Шварцкопфу принадлежит мысль

о том, что употребление тире и многоточия, дополнивших корпус знаков препинания в конце XVIII века, изначально «оказалось весьма существенным в русле русского романтизма» [Шварцкопф, 1988, с. 134]. Как представляется, этот тезис может быть исторически достоверным только при том условии, что сентиментализм рассматривается внутри романтизма.

Целями настоящей статьи являются, с одной стороны, обоснование стилистической потребности русского сентиментализма в пунктуационном способе выражения, а с другой стороны, анализ употребления знаков препинания, формирующего пунктуационно-стилистическую специфику русского сентиментализма.

Актуальность исследования обусловлена тем, что к пунктуационной стилистике применен конкретно-исторический подход, выражающийся в учете как особенностей русского пунктуационного узуса конца XVIII века и кодификации пунктуационных норм русского языка в этот период, так и общих пунктуационных предпочтений, свойственных европейскому сентиментализму (в частности, английскому и французскому).

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней применительно к русскому сентиментализму разработана методология исследования отдельного литературного направления в аспекте пунктуационной стилистики.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для пунктуационно-стилистического исследования русского сентиментализма, несомненно, должен быть взят наиболее показательный, образцовый (если угодно, прототипический) художественный текст, в котором отображены ведущие эстетические установки этого литературного направления. Считается, что «лучшее время нашей сентиментальной литературы — с 1789 до 1796 года» [Орлов, 1977, с. 269]. Очевидно, что именно тогда были созданы художественные тексты, по которым можно судить о русском сентиментализме в целом и о его пунктуационной стилистике в частности. Одним из таких художественных текстов является повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», опубликованная в 1792 году. Поскольку автограф этой повести был утерян, ее пунктуационные особенности исследуются по первой публикации в «Московском журнале» [Кар-1], который издавался самим Н. М. Карамзиным. Это решение вызвано тем, что при переизданиях повести «Бедная Лиза» ее пунктуационный «рисунок» подвергался изменениям.

На материале повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» описывается употребление вопросительного и восклицательного знаков, тире и многоточия, так как в особенностях пунктуационного маркирования посред-

ством этих четырех знаков препинания писатель-сентименталист реализует стилистическое целеполагание своего литературного направления. Вообще говоря, в карамзинском пунктуационном инвентаре данные знаки препинания являются своеобразными стилистическими маркерами сентиментализма. Поэтому вовсе не случайно то, что в пародиях на русский сентиментализм нередко обыгрывается употребление названных четырех знаков препинания, присущее главным образом самому Н. М. Карамзину [Иванова, 1979, с. 243; Сигал, 2025, с. 130—132].

Стилистические коннотации, в основном субъективно-модальные по своей природе, которые были выработаны благодаря русскому сентиментализму у вопросительного и восклицательного знаков, тире и многоточия как у единой микросистемы знаков препинания, фиксировались лингвистами вплоть до середины XIX века. Например, Ф. И. Буслаев полагал, что у них имеется общее назначение: они «выражают ощущения лица говорящего и его отношение к слушающему» [Бус, с. 337]. Почти сто лет спустя А. Б. Шапиро настаивал на том, что «нужно признать неправильным отнесение» к этой микросистеме «знака “тире”» [Шапиро, 1955, с. 39]. Безусловно, в середине XX века употребление тире было в значительной мере формализовано, а сам этот знак препинания — освобожден от сентименталистской ауры. Тем не менее в экспрессивной «заряженности» тире, равно как и в его вовлеченности в авторскую пунктуацию, обнаруживается способность данного знака препинания к указанию на эмоциональный настрой пишущего.

В культурной памяти образованных носителей русского языка сохраняется представление о том, что благодаря сентиментализму знаки препинания стали использоваться для передачи эмоциональных состояний и душевных переживаний. Об этом свидетельствует, в частности, выставка «Русский сентиментализм: знаки препинания», проходившая в 2019—2020 годах в Государственном музее истории российской литературы имени В. И. Даля (Доме И. С. Остроухова) [Выс]. Показательно, что четыре зала выставки были посвящены как раз вопросительному знаку, восклицательному знаку, тире и многоточию, благодаря употреблению которых русский сентиментализм сумел графически запечатлеть чувствительно-эмоциональную разнородность речи и приобрести свой самобытный пунктуационный облик.

С целью демонстрации общих для европейского сентиментализма приемов стилистически обусловленного пунктуационного маркирования привлечены романы Л. Стерна «The life and opinions of Tristram Shandy, gentleman» («Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена») [St] и Ж.-Ж. Руссо «Julie, ou La nouvelle Heloïse» («Юлия, или Новая Элоиза»)

[Rous], которые были завершены в 1767 и в 1760 годах соответственно. Оба эти романа входили в круг чтения Н. М. Карамзина. Перевод иллюстративных примеров на русский язык дается по изданиям [Ст] и [Рус] (переводчики — А. А. Франковский и А. А. Худачова соответственно), однако с сохранением аутентичной пунктуации писателей XVIII века.

Пунктуационно-стилистическое исследование русского сентиментализма опирается на методологию функциональной лингвистики: сначала определяется стилистическая доминанта сентиментализма и обосновывается нацеленность этого литературного направления на ее пунктуационное воплощение, а затем осуществляется анализ употребления стилистически выдвинутых знаков препинания, то есть тех, в которых опосредуется стилистическая доминанта. Кроме того, данные знаки препинания получают характеристику на основе сведений об узусе и кодифицированных нормах русской пунктуации конца XVIII века, а также о пунктуационной практике английского и французского сентиментализма. В ходе исследования применяются такие методы, как стилистическая интерпретация литературного направления и установление приемов стилистически специализированного употребления знаков препинания в художественном тексте, относящемся к определенному литературному направлению.

Несмотря на то, что пунктуационная стилистика является одним из новых аспектов в исследовании пунктуационного узуса, ей посвящен ряд трудов общетеоретического характера как в отечественной [Дзякович, 1994; Макарова, 1967; Шварцкопф, 1990], так и в зарубежной [Abaravičius, 2001; Nebrig et al., 2012] лингвистике. В этих трудах определяется предметная область пунктуационной стилистики, а также приводятся наблюдения над конкретными употреблениями знаков препинания, показывающие, как выполняется то или иное стилистическое задание посредством пунктуационного маркирования. Чаще всего пунктуационная стилистика имеет дело с художественными текстами, что дает основание для ее трактовки как «составляющей стилистики художественной речи» [Дзякович, 1994, с. 3].

Пунктуационная стилистика русского сентиментализма, в том числе применительно к повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», исследуется в монографии В. Н. Топорова, где знаки препинания отнесены к «“диакритическому” уровню» художественного текста [Топоров, 1995, с. 45], и в статье В. С. Собкина, в которой раскрывается психологический механизм воздействия сентиментализма на читателя [Собкин, 2020]. Вместе с тем необходимо отметить, что употребление стилистически наиболее важных для русского сентиментализма четырех знаков препинания до сих пор не было рассмотрено как особый пунктуационно-стилистический феномен, возникший в конкретных исторических условиях.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Русский сентиментализм: стилистическая доминанта и нацеленность на ее пунктуационное воплощение

Русскому сентиментализму свойственны такие ведущие эстетические установки, как подчеркивание «эмоциональной рефлексии» [Поспелов, 1970, с. 211], стремление «изображать личные отношения в частной, бытовой жизни» [Там же, с. 212], демонстрируя душевные переживания персонажей и вызывая сострадание к ним, ориентация на «интонационно-синтаксическую выразительность, усиливающую эмоциональность семантики» [Там же, с. 206]. В качестве ключевого концепта русского сентиментализма выступает имя признака *чувствительный*, обладающее этическим смыслом «‘способный к состраданию’, ‘отзывчивый’, ‘гуманный’, ‘добрый’, ‘человечный’» [Кочеткова, 1994, с. 18]. Этот ключевой концепт должен был найти отклик в душе писателя-сентименталиста. Так, о Н. М. Карамзине говорили, что он «был человек чрезвычайно чувствительный» [С, с. 113]. В его стилистической манере чувствительность оказывается коннотативным «ингредиентом» почти любого элемента речевой структуры. В статье «Что нужно автору?» (1793 год) Н. М. Карамзин писал: «Слог, фигуры, метафоры, образы, выражения — все сие трогает и пленяет тогда, когда одушевляется чувством <...>» [Мур, с. 228]. Несомненно, это относится и к знакам препинания, в особенности связанным со стилистической доминантой русского сентиментализма.

А. А. Ухтомский, создатель физиологического учения о доминанте, понимал под ней «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров», выражающийся в «стационарно поддерживаемой работе» [Ухтомский, 2002, с. 39]. При этом доминанта объясняет и высшие формы деятельности человека. Согласно А. А. Ухтомскому, «пока доминанта в душе ярка и жива, она держит в своей власти все поле душевной жизни» [Там же, с. 49]. Перенеся доминанту в сферу искусства, Р. Якобсон осмыслил ее как «фокусирующий компонент произведения <...>: доминанта управляет остальными компонентами, определяет и трансформирует их» [Якобсон, 1996, с. 119]. Р. Якобсон показал, что своя доминанта имеется и «в искусстве данной эпохи» [Там же, с. 120]. В развитие идей А. А. Ухтомского и Р. Якобсона предлагается понятие стилистической доминанты.

В общем плане стилистическая доминанта представляет собой приоритетный принцип речевой организации художественного текста, сформированный ведущими эстетическими установками литературного направления или конкретного писателя. Стилистическая доминанта действует благодаря механизму «выдвижения на первый план (foregrounding)», регулирующему «динамическое взаимодействие между автором, (литературным) текстом и

читателем» [Van Peer, 1986, p. 20]. Важно учитывать, что стилистически выдвинутым является именно такой элемент, при участии которого происходит объективация стилистической доминанты. Стилистическое выдвижение совсем не обязательно связано с преобладанием в статистическом плане, но оно непременно оценивается в таких терминах, как «поразительность (strikingness)», «важность (importance)» [Там же, p. 176] и т. п.

Стилистическую доминанту русского сентиментализма образует речевая манифестация чувствительно-эмоционального сопровождения сюжетной динамики, способная побудить читателя к сопереживанию. Эта стилистическая доминанта способствует выдвижению прежде всего таких элементов речевой структуры, которые создают образную «картинку» того или иного эмоционального состояния и / или указывают на это эмоциональное состояние, привлекают к нему внимание. Стилистическое выдвижение подобных элементов речевой структуры организует «партитуру сентиментального переживания читателя», содействуя «процессу сочувственной идентификации» [Собкин, 2020, с. 128—129]. Объективация стилистической доминанты русского сентиментализма затрагивает в первую очередь сферу синтаксиса: действительно, у Н. М. Карамзина «фраза стремилась следовать движениям чувств автора или героя, воспроизводя их в самой своей структуре, в ее мелодическом контуре» [Топоров, 1995, с. 36]. По этой причине «новый слог» Н. М. Карамзина предполагает сближение со структурами разговорного синтаксиса [Виноградов, 2002, с. 222].

Под влиянием стилистической доминанты русского сентиментализма преобразуется отношение к пунктуации. Во-первых, знаки препинания начинают сознательно применяться для достижения определенных экспрессивно-смысловых обертонов. Например, употребление тире основывается «на принципе субъективного <...> или рассчитанного на эмоциональный эффект присоединения» [Виноградов, 1999, с. 329]. Ср.: *Онь* (Эрасть. — К. С.) *желалъ больше, больше, и наконецъ ничего желать не могъ — а кто знаетъ сердце свое <...>* [Кар-1, с. 265]. Во-вторых, вопросительный и восклицательный знаки, тире и многоточие осмысляются как единая пунктуационная микросистема, участвующая в указании на эмоциональные состояния и душевные переживания рассказчика и персонажей. Ср. конвергенцию этих знаков препинания, использованную для передачи смены эмоций в эпизоде падения Лизы: *<...> Эрасть чувствуетъ въ себя трепеть — Лиза также, не зная, отъ чего — не зная, что съ нею дѣлается... Ахъ Лиза, Лиза! гдѣ мать твоя? Гдѣ Ангель хранитель твой? Гдѣ — твоя невинность?* [Там же, с. 263—264].

Нацеленность русского сентиментализма на пунктуационное воплощение его стилистической доминанты определяется тем, что пунктуационная

«инкрустация» высказываний посредством стилистически выдвинутых знаков препинания (вопросительного и восклицательного знаков, тире и многоточия) дает возможность графически точно передать эмоционально-акцентированную речь *homo sentiens*, которая культивировалась Н. М. Карамзиным. По сути дела, пунктуационная стилистика и зарождается именно в недрах русского сентиментализма, где средство и способ пунктуационного маркирования могут быть детерминированы стилистическим заданием.

3.2. Пунктуационная стилистика: от общей характеристики к конкретно-историческому подходу

Общие представления о стилистической функции знаков препинания и о пунктуационном маркировании в художественном тексте были выработаны задолго до того, как был предложен термин *пунктуационная стилистика*, придавший научный статус данному аспекту в исследовании пунктуационного узуса. Эти общие представления, систематизированные в конце 1960-х годов Р. В. Макаровой, состоят в следующем. Во-первых, стилистическая функция знаков препинания проявляется в том, что они «вносят в текст <...> стилистическую окраску или семантические оттенки» [Макарова, 1967, с. 52]. Во-вторых, «не все знаки несут семантическую и стилистическую нагрузку в равной степени» [Там же, с. 56]: допустим, тире и многоточие выполняют стилистическую функцию чаще, чем другие знаки препинания [Там же, с. 53, 55]. В-третьих, в художественных текстах (в сравнении с научными и деловыми текстами) «ассортимент знаков препинания значительно богаче», а их употребление отличается большим разнообразием и большей индивидуальностью [Там же, с. 57].

Б. С. Шварцкопф впервые определил предметную область пунктуационной стилистики. По мысли ученого, «понимание стилистики в сфере пунктуации неоднозначно: как индивидуального пристрастия писателя к знаку препинания; как возможности эстетически мотивированного расширения нормативных границ употребления знака в художественном контексте; как неравномерности и зависимости употребления некоторых знаков от оппозиции типов текста “информационный — экспрессивный”» [Шварцкопф, 1990, с. 189]. Примечательно, что сам Б. С. Шварцкопф был склонен относить к пунктуационной стилистике прежде всего пунктуационные маркеры экспрессивных синтаксических конструкций, в частности сегментацию высказывания посредством сочетания «многоточие + тире» с последующим строчным написанием [Там же, с. 190].

В русле идей Б. С. Шварцкопфа пунктуационная стилистика трактуется у Ю. Абаравичюса, который исследует употребление знаков препинания с точки зрения «стилистической целесообразности (*stilistinio tikslingumo*)» [Abaravičius, 2001, p. 205]. Е. В. Дзякович относит к предметной области

пунктуационной стилистики сугубо экспрессивные пунктуационные приемы, «в основе механизма которых лежит употребление знака препинания в не свойственной ему позиции» [Там же, с. 8] (ср., например, вставку восклицательного знака в середину высказывания [Там же, с. 10—11]). Однако при таком понимании неизбежно редуцирование сферы пунктуационной стилистики (ср. в связи с этим [Будниченко, 2003]).

А. Небриг и К. Шперхазе полагают, что пунктуационная стилистика необходима как для определения индивидуальной «физиогномики стиля (Stilphysiognomie)», так и для «понимания литературной “речи” и реконструкции риторического воздействия» [Nebrig et al., 2012, S. 13]. Согласно А. Небригу и К. Шперхазе, в рамках пунктуационной стилистики разграничиваются следующие направления (die Hinsichten): «грамматостилистическое (grammatostilistische), фоностилистическое (phonostilistische), иконостилистическое (ikonostilistische) и этостилистическое (ethostilistische)» [Там же, S. 16]. В первом исследуется роль знаков препинания в организации повествования и фигуральной речи, во втором — пунктуационный «рисунок» текста как условие его прочтения в соответствии с авторским замыслом, в третьем — участие знаков препинания в визуализации текста, в четвертом — отображение в знаках препинания невербальных действий (ср. в связи с этим особенно вопросительный и восклицательный знаки) [Там же, S. 17—28].

Пунктуационная стилистика должна заниматься выявлением и описанием всех тех приемов экспрессивного употребления знаков препинания, которые были выработаны в разные эпохи и стали достоянием пунктуационного узуса. Конечно, судьба этих приемов различна: одни прочно удерживают свой экспрессивно-смысловой потенциал, другие утрачивают его, либо пополняя ряды пунктуационных альтернатив, либо переходя в разряд пунктуационных архаизмов. В конце XVIII века, на который пришелся расцвет русского сентиментализма, приемы стилистически обусловленного пунктуационного маркирования только начинают складываться. Поэтому в языковом сознании современников Н. М. Карамзина могли запечатлеться не столько эти приемы как таковые, сколько участвующие в их создании знаки препинания, которые еще не утвердились в кодифицированном пунктуационном инвентаре или употребление которых «сняло» то или иное кодифицированное ограничение. В этих случаях стилистические презумпции конкретных пунктуационных действий писателя-сентименталиста становятся неочевидными. Ср. весьма показательное свидетельство А. В. Старчевского: «Противники Карамзина <...> напали на одни только слова, <...> иногда даже на знаки препинания, упустив из виду <...> распространение эстетического направления» [С, с. 31—32].

При этом стоит отметить, что четыре знака препинания, преимущественно используемые в русском сентиментализме для организации чувствительно-эмоционального повествования, оказались стилистически выдвинутыми отнюдь не по произволу писателей, прежде всего Н. М. Карамзина. К концу XVIII века в кодифицированной пунктуационной норме (применительно к вопросительному и восклицательному знакам) и в пунктуационном узусе (применительно к тире и многоточию) сложились предпосылки для такого экспрессивного «сдвига» в употреблении этих знаков препинания, который в полной мере соответствовал стилистической доминанте русского сентиментализма.

3.3. Пунктуационная стилистика русского сентиментализма: анализ употребления стилистически выдвинутых знаков препинания

3.3.1. Вопросительный и восклицательный знаки

В «Начальных основаниях российской грамматики» (1788 год) из стилистически важных для русского сентиментализма знаков препинания названы и кратко описаны только вопросительный и восклицательный знаки («вопросительная» и «удивительная» [НОРГ, с. 21, 22]). В этом издании указывается, что вопросительный знак является однофункциональным: он «послѣ вопросительнаго предложенія полагается» [Там же, с. 21], а восклицательный — выполняет несколько функций: он «поставляется по удивленіи <...>, по призываніи <...>, по восклицаніи, каковое бывает послѣ чудныхъ и многотрудныхъ повѣствованій» [Там же, с. 22]. Отсюда следует, что их экспрессивной «заряженности» будут способствовать определенные функциональные изменения: у вопросительного знака — использование в качестве маркера несобственно вопросительных высказываний; у восклицательного знака — оформление не только финально-резюмирующих, но и любых других восклицательных высказываний.

В повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» (без учета комбинаций с многоточием) вопросительный знак используется 36 раз, тогда как восклицательный знак — 119 раз, то есть более чем в 3 раза чаще. Это объясняется тем, что для речи и рассказчика, и персонажей (особенно Лизы) характерны «сверхэмоциональность, <...> чувствительность и преувеличенная восторженность» [Топоров, 1995, с. 66—67].

Вопросительными знаками у Н. М. Карамзина большей частью обозначается конец несобственно вопросительных высказываний. Ср.: *«Я должна сказать тебе все. За меня сватается женихъ, сынъ богатаго крестьянина изъ сосѣдней деревни; матушка хочетъ, чтобы я за него вышла.» — И ты соглашаешься? — «Жестокой! можешь ли объ этомъ спрашивать? <...>»* [Кар-1, с. 262]. Здесь как в реплике Эраста, так и в реплике Лизы в форме вопроса выражается скрытый упрек. Вопросительный знак, лишаясь указания

исключительно на вопросительную целеустановку высказывания, превращается в пунктуационный маркер экспрессивного приема.

Повышению экспрессивности способствует пунктуационное оформление посредством вопросительного знака двух и более высказываний, следующих одно за другим. Ср.: *Ахь Лиза, Лиза! гдѣ мать твоя? Гдѣ Ангель хранитель твой? Гдѣ — твоя невинность?* [Там же, с. 263—264]; *Лиза очутилась на улицѣ, и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. Онъ (Эрасть. — К. С.), онъ выгнать меня? Онъ любитъ другую?* [Там же, с. 274]. В первом случае от начального вопросительного высказывания к конечному происходит дрейф от «чистой» вопросительности к риторическому вопросу. Во втором случае оба вопроса принадлежат внутренней речи Лизы, которой заведомо известны нежелательные для нее ответы на каждый из них. Эта цепочка вопросов нужна для того, чтобы показать душевное смятение Лизы.

Восклицательные знаки у Н. М. Карамзина чаще всего используются неоднократно, причем при пунктуационном маркировании как одного высказывания (срединный и конечный), так и разных высказываний, идущих друг за другом (конечные). «Нагнетание» восклицательных знаков — особый экспрессивный прием, указывающий на эмоциональное напряжение. Ср.: *А Лиза думала: ахь! я скорѣе забуду душу свою, нежели милаго моего друга!* [Там же, с. 258]; *«Ахь, Лиза! какъ онъ (Эрасть. — К. С.) хорошъ и добръ! Естли бы женихъ твой былъ таковъ!»* [Там же, с. 251]. Характерно, что восклицательный знак, стоящий в середине высказывания (например, после междометия или обращения), не приводит к написанию следующего за ним слова с прописной буквы.

Общей чертой экспрессивного употребления вопросительного и восклицательного знаков у Н. М. Карамзина является участие высказываний, оформленных посредством этих пунктуационных маркеров, в композиционно-текстовой связи. Первое и последнее употребление вопросительного знака создает внутреннюю эмоциональную рамку текста. Она формируется репликами матушки и Лизы, в которых представлены несобственно вопросительные высказывания. Ср.: «<...> *Только теперь не хочу умереть — что съ тобою безъ меня будетъ? <...>*» [Там же, с. 245] и «<...> *я ташла отъ нее (отъ матушки. — К. С.) любовь свою къ одному жестокому челоувѣку, — къ Э... Но на что знать его имя?*» [Там же, с. 275]. Первое и последнее употребление восклицательного знака создает внешнюю эмоциональную рамку текста, которая складывается только из восклицательных высказываний рассказчика. Ср.: *Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву <...> когда вечерніе лучи его (солнца. — К. С.) пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ кре-*

стахъ, къ небу возносящихся! [Там же, с. 239] и *Теперь, может быть, они* (Лиза и Эрасть. — К. С.) *уже примирились!* [Там же, с. 277]. Если внутренняя эмоциональная рамка, созданная с участием вопросительных знаков, конденсированно отображает сюжет повести «Бедная Лиза» в земной перспективе, то внешняя эмоциональная рамка, созданная с участием восклицательных знаков, — в перспективе небесной.

3.3.2. Тире

На рубеже XVIII—XIX веков знак «тире» стойко ассоциировался с именем Н. М. Карамзина. Например, Н. И. Греч вспоминает о своем учителе Д. М. Кудлае так: «Он читал с восторгом “Бедную Лизу” и любил везде ставить тире, в подражание модному тогда Карамзину» [Виноградов, 1999, с. 328]. Долгое время считалось, что тире в русский пунктуационный узус ввел именно Н. М. Карамзин [Шапиро, 1955, с. 17, 139]. Однако, как установила В. Ф. Иванова, тире употребляется в русской печати с 1760-х годов, а первое печатное произведение Н. М. Карамзина (перевод идиллии С. Геснера «Деревянная нога») относится к 1783 году [Иванова, 1979, с. 253]. Показательно, что в этом издании еще нет ни одного тире и, кстати говоря, ни одного многоточия [Кар-2].

Тире могло получить кодификацию в конце XVIII века, если бы рукописная «Российская грамматика» (1788 год) А. А. Барсова была опубликована тогда же. А. А. Барсов, который был учителем и другом Н. М. Карамзина, дает этому знаку препинания наименование «молчанка» и указывает, что он нужен «для выражения жестокой страсти, либо для приготовления читателя къ <...> чрезвычайному и неожиданному слову или дѣйствию въ послѣдствіи» [РГ, с. 76]. Примечательно, что описание функций тире сделано как бы в расчете на стилистическую доминанту сентиментализма.

В конце XVIII века тире воспринималось как относительно недавно появившийся графический маркер эмоциональной окрашенности речи, не закрепленный еще за конкретными пунктуационными позициями. В этом знаке препинания объединились короткие черточки, из которых возникло эмоциональное тире на русской почве, и пришедшее преимущественно из переводов Ж. Ф. Мармонтеля тире в функции отделения реплик в диалоге или самостоятельных предложений в повествовании [Иванова, 1979, с. 244, 255]. Кроме того, в пунктуационном узусе было осознано, что тире несет на себе отпечаток употребления в европейском сентиментализме, прежде всего у Л. Стерна.

«Стерн несравненный!» — восклицал Н. М. Карамзин, передавая свое впечатление от чтения отрывка из романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» [Кар-3, с. 117]. Например, в названном романе Л. Стерна, отличающемся «ненормативным (abnormal)» употреблением

тире [Moss, 1981—1982, p. 195], данный знак препинания заменяет запятую в ряду однородных сказуемых. Ср.: *Mrs. Wadman blushed — looked towards the door — turned pale — blushed slightly again — recovered her natural colour — blushed worse than ever <...>* [St, p. 571] ‘Миссис Водмен покраснела — посмотрела в сторону двери — побледнела — снова слегка покраснела — пришла в себя — покраснела пуще прежнего <...>’ [Ст, с. 520]. Бесспорно, это не что иное, как экспрессивный пунктуационный прием, передающий динамику эмоционального состояния персонажа и вместе с тем создающий «зрительный» образ текста» [Богданов, 2022, с. 245]. Подобный прием есть и у Н. М. Карамзина, хотя русский писатель предпочитает разделять посредством тире в одном и том же высказывании не только однородные сказуемые, но и предикативные конструкции, синтагматически уравнивая их. Ср.: *Я забываю человекъа въ Эрастъ — готовъ проклинать его — но языкъ мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему* [Кар-1, с. 273].

В повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» употреблены 189 тире, среди которых — 103 внутренних тире, размещающихся в границах высказывания, и 86 внешних тире, отделяющих одно высказывание от другого. Тире в этой карамзинской повести может быть одиночным, двойным (точнее сказать, сдвоенным [Садченко, 2009, с. 78]) и даже тройным, имеются также парное тире и повторяющееся тире. В ракурсе пунктуационной стилистики особой отмеченностью у Н. М. Карамзина обладает разделительное по своей функции одиночное внутреннее тире, которое стоит либо на месте другого знака препинания, либо там, где знак препинания вовсе не предусмотрен нормой.

Тире употребляется Н. М. Карамзиным для отделения сказуемого от подлежащего (вместе с их составами), а также сказуемого — от его распространителей. Ср.: *Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ Си*нова монастыря — воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы* [Там же, с. 242]; *Ты бы увѣдомлялъ меня обо всемъ, что съ тобою случится; а я писала бы къ тебѣ — о слезахъ своих!* [Там же, с. 268]. Экспрессивность данного пунктуационного приема определяется эмоционально пристрастным указанием на то, что кажется существенным чувствительному рассказчику или персонажу. Отделенный посредством тире член предложения в обоих случаях имеет рематическую природу, только в первом высказывании он представляет основную рему, выраженную инверсированным подлежащим, а во втором — дополнительную рему, обозначающую делиберативный объект.

Н. М. Карамзин применяет тире для отделения однородных сказуемых или предикативных частей сложносочиненных высказываний. В част-

ности, тире ставится как перед соединительным союзом *и*, так и после него, обозначая эмоциональную паузу. Ср.: *Она (Лиза. — К. С.) показала ему (Эрасту. — К. С.) букетъ цвѣтовъ — и покраснѣлась* [Там же, с. 245]; *Эрастъ выскочилъ на берегъ, подошелъ къ Лизѣ и — мечта ея отчасти исполнилась* [Там же, с. 254]. В обоих высказываниях тире в тандеме с союзом участвует в экспрессивной подаче смысловой информации. В первом из них подчеркивается застенчивость, робость Лизы и одновременно передается семантика следствия, во втором — наряду с присоединительными отношениями выражается смысловой оттенок противительности (ср. идеал возвышенно-сентиментальной любви, нарисованный воображением Лизы еще до появления Эраста, и повторяющееся восклицание рассказчика: *Мечта! мечта!* [Там же], которым обозначается сомнение в достижимости этого идеала).

Причинные и следственные отношения, выражаемые в бессоюзных сложных высказываниях, побуждают Н. М. Карамзина к экспрессивному пунктуационному маркированию посредством тире. Это происходит потому, что эмоциональное прочувствование как причины, так и следствия, представленных в форме прямого либо косвенного утверждения, вызывает желание, отделяя содержащую их предикативную конструкцию, сделать на ней особый акцент. Ср.: — <...> *Только теперь не хочу умереть — что съ тобою безъ меня будетъ?* [Там же, с. 245] (причина, косвенное утверждение); *Скажу только, что въ сію минуту восторга исчезла Лизина робость — Эрастъ узналъ, что онъ любимъ, любимъ страстно новымъ, чистымъ, открытымъ сердцемъ* [Там же, с. 255] (следствие, прямое утверждение). Непривычность тире в этой пунктуационной позиции приводит к тому, что Н. М. Карамзин, правда единожды, поставил в одном пробеле двоеточие («двуеточіе»), допущенное пунктуационной нормой [НОРГ, с. 20—21], и тире, призванное к осуществлению экспрессивной субституции. Ср.: <...> *но на сей разъ желаніе ея (матери. — К. С.) не исполнилось: — Лиза спала очень худо* [Там же, с. 252] (причина, прямое утверждение).

3.3.3. Многоточие

Многоточие становится принадлежностью русского пунктуационного узуса с 1780-х годов, однако «встречается редко» [Орехова, 2000, с. 54]. Этот факт подтверждается в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: в ней использовано всего 10 многоточий (без учета комбинаций с вопросительным и восклицательным знаками), состоящих из трех или четырех точек. Гораздо чаще многоточие будет употребляться в XIX веке, поэтому и кодификация его произойдет в 1831 году, причем под двумя наименованиями: «знакъ пресѣкательный» и «многоточіе» (именно в таком порядке!) [Вос, с. 153]. Интересно отметить, что многоточию была приписана только

одна функция: этот знак препинания «ставится, когда рѣчь бывает прервана» [Там же, с. 159].

Однако еще в конце XVIII века данная собственно графическая по своей сути функция многоточия получила стилистическое переосмысление: в русском сентиментализме, прежде всего у Н. М. Карамзина, многоточие передает не только эмоционально обусловленную «пунктуационную эмфазу» [Богданов, 2022, с. 245], но и эмоциональный подтекст. Эти разные экспрессивные употребления многоточия у Н. М. Карамзина обычно находят метаязыковую поддержку в лексико-грамматическом составе идущего следом высказывания. Ср., с одной стороны: <...> *милая Лиза! сказал Эраст: милая Лиза! я люблю тебя! и сіи слова отозвались во глубинѣ души ея, какъ небесная, восхитительная музыка; она едва смѣла вѣрить ушамъ своимъ и... Но я бросаю кисть* [Кар-1, с. 255], а с другой стороны: *Мнѣ казалось, что я умираю; что душа моя... Нѣтъ, я не умѣю сказать этого!..* [Там же, с. 264].

Экспрессивный потенциал многоточия был раскрыт благодаря европейскому сентиментализму, прежде всего Ж.-Ж. Руссо. Например, в его романе «Юлия, или Новая Элоиза» многоточие, состоящее из четырех, пяти и более точек, употребляется как для обозначения эмоциональной остановки речи, так и для указания на импликацию в эмоционально-окрашенных контекстах. Ср.: *Quelquefois nos yeux se rencontrent; quelques four-pirs nous échappent en même tems; quelques larmes furtives..... ô Julie! fi cet accord venoit de plus loin..... fi le Ciel nous avoit destinés.... toute la force humaine..... ah, pardon!* [Rous, p. 5] ‘Подчас наши взоры встречаются; подчас мы одновременно вздыхаем или украдкой утираем слезы..... о Юлия! Что, если такое сродство ниспослано свыше..... предназначено самим небом.... Никакие силы человеческие..... О, простите меня!’ [Рус, с. 15].

В этом же романе Ж.-Ж. Руссо многоточие сочетается с вопросительным и восклицательным знаками для придания смыслового оттенка медитативности семантике вопросительных и восклицательных высказываний. Ср.: *A peine fai-je ce qui m'est arrivé depuis ce fatal moment. L'impression profonde que j'ai reçue ne peut plus s'effacer. Une faveur?.....* [Rous, p. 87] ‘Не пойму, что происходит со мной с того рокового дня. Впечатление глубоко врезалось в мою память и никогда не изгладится. Так это милость?.....’ [Рус, с. 42]; *J'ai craint, tu le fais, le malheur dont tu gémiss. Combien de fois je te l'ai prédit fans être écoutée!.....* [Rous, p. 170] ‘Ты ведь знаешь, я давно страшилась несчастья, о котором ты сейчас сокрушаешься. Множество раз предрекала его, но ведь ты не слушала!.....’ [Рус, с. 70]. Н. М. Карамзин прибегает к такого рода комплексным пунктуационным маркерам довольно редко: в повести «Бедная Лиза» комбинация «вопросительный знак +

многоточие» используется 3 раза, а комбинация «восклицательный знак + многоточие» — 4 раза. Многоточие реализовано в них двумя или тремя точками. Ср.: *Но что же чувствовала она (Лиза. — К. С.) тогда, когда Эрасть, обняв ее в последний разъ, въ последний разъ прижавъ ее къ своему сердцу, сказал: прости, Лиза?... [Кар-1, с. 269—270]; «Мнѣ не лъзя жить, (думала Лиза) не лъзя!.. О естъли бы упало на меня небо! Естъли бы земля поглотила нещастную!.. <...>» [Там же, с. 274].*

Представляется, что Н. М. Карамзин воспринял многоточие как одно из пунктуационных средств передачи чувствительности во многом благодаря роману Ж.-Ж. Руссо: вовсе не случайно в своих «Письмах русского путешественника» (1791—1792 годы) Н. М. Карамзин воодушевленно сообщает о том, «как <...> любит Руссо» и «с каким удовольствием читал <...> его Элоизу» [Кар-4, с. 150].

При этом наряду с многоточием тем же экспрессивным предназначением у Н. М. Карамзина может обладать тире в вдвоенном виде при оформлении прерванных высказываний, в которых отсутствует другой конечный знак препинания. Ср.: *У него (у молодого человека. — К. С.) такое доброе лице, такой голосъ — [Кар-1, с. 246—247]; Онъ (Эрасть. — К. С.) баринъ; а между крестьянами — Лиза не договорила рѣчи своей [Там же, с. 251].*

4. Заключение = Conclusions

В заключение необходимо отметить, что пунктуационная стилистика, строящаяся на сознательном отношении к отбору и употреблению знаков препинания, зарождается во многом благодаря русскому сентиментализму. Поэтому вовсе не удивительно, что целый ряд стилистически значимых пунктуационных явлений возник еще в конце XVIII века и был связан с воплощением стилистических заданий русского сентиментализма.

Пунктуационная стилистика русского сентиментализма, нацеленная на то, чтобы подчеркнуть чувствительно-эмоциональную основу речи рассказчика и персонажей, выдвинула на первый план пунктуационную микросистему, состоящую из вопросительного и восклицательного знаков, тире и многоточия. Употребление этих знаков препинания, обеспечивающее изобразительное и / или выразительное по своей функции графическое представление эмоциональных состояний и душевных переживаний, привело к выработке экспрессивных пунктуационных приемов, которые воспринимались как принадлежность русского сентиментализма.

Стилистическое выдвижение четырех знаков препинания в русском сентиментализме, прежде всего у Н. М. Карамзина, было обусловлено их экспрессивно-эмоциональным потенциалом, вырвавшимся как в кодифици-

рованной (вопросительный и восклицательный знаки), так и в некодифицированной (тире и многоточие) сферах существования русской пунктуации к концу XVIII века. Вместе с тем в стилистически целесообразном употреблении тире и многоточия определенную роль сыграло влияние английского (Л. Стерн) и французского (Ж.-Ж. Руссо) сентиментализма соответственно.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Бус — *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. — Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. — 623 с.
2. Вос — *Востоковъ А.* Сокращенная русская грамматика / А. Востоковъ. — Санкт-Петербург : Типографія Департамента народного просвѣщения, 1831. — 207 с.
3. Выс — *Выставка «Русский сентиментализм : знаки препинания»* (01.11.2019—23.02.2020) в Государственном музее истории российской литературы им. В. И. Даля (Дом И. С. Остроухова) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://historyrussia.org/sobytiya/russkij-sentimentalizm-znaki-prepinaniya.html> (дата обращения 16.05.2025).
4. Кар-1 — *Карамзинъ Н. М.* Бѣдная Лиза / Н. М. Карамзинъ // Московской журналъ. — 1792. — Ч. VI. — С. 238—277.
5. Кар-2 — *Карамзинъ Н. М.* Деревянная нога, Швейцарская Идилія / Н. М. Карамзинъ. — Санкт-Петербург : Вольная типографія Брейткопфа, 1783. — 18 с.
6. Кар-3 — *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения в 2-х т. / Н. М. Карамзин. — Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1964. — Т. 2. — 591 с.
7. Кар-4 — *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. — Ленинград : Наука, 1984. — 717 с.
8. Мур — *Муравьев В. Б.* Карамзин / В. Б. Муравьев. — Москва : Молодая гвардия, 2014. — 479 с. — ISBN 978-5-235-03684-0.
9. НОРГ — *Начальныя основания российской грамматики.* — Санкт-Петербург : Императорская Академія наукъ, 1788. — 147 с.
10. РГ — «*Российская грамматика*» А. А. Барсова / Под ред. Б. А. Успенского. — Москва : МГУ, 1981. — 776 с.
11. Рус — *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения в 3-х т. / Ж.-Ж. Руссо. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1961. — Т. 2. — 768 с.
12. С — *Старчевский А. В.* Николай Михайлович Карамзин / А. В. Старчевский. — Москва : Кучково поле, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-9950-0737-1.
13. Ст — *Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Л. Стерн. — Москва : Художественная литература, 1968. — 687 с.
14. Rous — *Rousseau J. J.* Julie, ou La nouvelle Heloïse / J. J. Rousseau. — Amsterdam : Marc Michelret, 1761. — 407 p.
15. St — *Stern L.* The life and opinions of Tristram Shandy, gentleman / L. Stern. — London : Grant Richards, 1903. — 593 p.

Литература

1. *Богданов К. А.* Пунктуация как мотив : многоточие и тире / К. А. Богданов // Новое литературное обозрение. — 2022. — № 2 (174). — С. 241—253. — DOI: 10.53953/08696365.2022.174.2.241.
2. *Будниченко Л. А.* Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет) / Л. А. Будниченко. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2003. — 264 с. — ISBN 5-8465-0187-7.
3. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. 4-е изд. / В. В. Виноградов. — Москва : Русский язык, 2002. — 528 с. — ISBN 5-200-03184-2.
4. *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1999. — 704 с. — ISBN 5-02-011622-X.
5. *Дзякович Е. В.* Стилистический аспект современной пунктуации. Экспрессивные пунктуационные приемы : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Дзякович. — Москва, 1994. — 20 с.
6. *Иванова В. Ф.* О первоначальном употреблении тире в русской печати / В. Ф. Иванова // Современная русская пунктуация / Отв. ред. Л. И. Скворцов. — Москва : Наука, 1979. — С. 236—253.
7. *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания) / Н. Д. Кочеткова. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 281 с. — ISBN 5-02-028096-8.
8. *Макарова Р. В.* Стилистика и знаки препинания / Р. В. Макарова // Русская речь. — 1967. — № 3. — С. 51—57.
9. *Орехова Н. Н.* Пунктуация и письмо (на материале русского и английского языков) / Н. Н. Орехова. — Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. — 216 с. — ISBN 5-93008-027-5.
10. *Орлов П. А.* Русский сентиментализм / П. А. Орлов. — Москва : МГУ, 1977. — 270 с.
11. *Поспелов Г. Н.* Проблемы литературного стиля / Г. Н. Поспелов. — Москва : МГУ, 1970. — 330 с.
12. *Садченко В. Т.* Вторичный семиозис в художественном тексте / В. Т. Садченко. — Хабаровск : ДГГУ, 2009. — 243 с.
13. *Сигал К. Я.* Вербальное сообщение и пунктуационное маркирование в их функциональных взаимоотношениях / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 115—136. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-115-136.
14. *Собкин В. С.* «Ах, “Бедная Лиза”, Ах!» — опыт психологического анализа повести Н. М. Карамзина / В. С. Собкин // Национальный психологический журнал. — 2020. — № 2 (38). — С. 109—147. — DOI: 10.11621/npj.2020.0210.
15. *Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения : к двухсотлетию со дня выхода в свет / В. Н. Топоров. — Москва : РГГУ, 1995. — 512 с. — ISBN 5-7281-0020-1.
16. *Ухтомский А. А.* Доминанта / А. А. Ухтомский. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 448 с. — ISBN 5-318-00067-3.
17. *Чупашева О. М.* О некоторых пунктуационных особенностях художественной прозы Н. М. Карамзина / О. М. Чупашева // Формирование норм русского литературного языка XVIII века : Сборник статей / Отв. ред. В. М. Макаров. — Ижевск : УдМГУ, 1994. — С. 115—121. — ISBN 5-7029-0062-6.
18. *Шапиро А. Б.* Основы русской пунктуации / А. Б. Шапиро. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. — 398 с.

19. Шварцкопф Б. С. Пунктуационная стилистика и ее приемы / Б. С. Шварцкопф // Статус стилистики в современном языкознании. Тезисы докладов координационного совещания / Отв. ред. М. Н. Кожина. — Пермь : ПГУ, 1990. — С. 189—190.

20. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация : система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. — Москва : Наука, 1988. — 192 с. — ISBN 5-02-010873-1.

21. Якобсон Р. Язык и бессознательное / Р. Якобсон. — Москва : Гнозис, 1996. — 248 с. — ISBN 5-7333-0492-8.

22. Abaravičius J. Skyrybos stilistikos paradigma / J. Abaravičius // Žmogus kalbos erdėje. — 2001. — № 1. — Pp. 205—208.

23. Moss R. B. Sterne's punctuation / R. B. Moss // Eighteenth-century studies. — 1981—1982. — Vol. 15. — № 2. — Pp. 179—200.

24. Nebrig A. Für eine Stilistik der Interpunktion / A. Nebrig, C. Spoerhase // Die Poesie der Zeichensetzung. Studien zur Stilistik der Interpunktion. — Bern : Peter Lang, 2012. — S. 11—31. — ISBN 978-3-0343-1000-0.

25. Van Peer W. Stylistics and psychology. Investigations of foregrounding / W. Van Peer. — London : Croom Helm Ltd., 1986. — 220 p. — ISBN 0-7099-2604-9.

Статья поступила в редакцию 04.09.2025,
одобрена после рецензирования 26.01.2026,
подготовлена к публикации 25.02.2026.

Material resources

Bus — Buslaev, F. I. (1959). *Historical grammar of the Russian language*. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. 623 p. (In Russ.).

Ex — *Exhibition "Russian sentimentalism: punctuation marks" (01.11.2019—23.02.2020) at the State Museum of the History of Russian Literature named after V. I. Dahl (House of I. S. Ostroukhov)*. Available at: <https://historyrussia.org/sobytiya/russkij-sentimentalizm-znaki-prepinaniya.html> (accessed 16.05.2025). (In Russ.).

Kar-1 — Karamzin, N. M. (1792). Poor Liza. *Moscow magazine*, VI: 238—277. (In Russ.).

Kar-2 — Karamzin, N. M. (1983). *Wooden leg, Swiss Idyl*. St. Petersburg: Breitkopf's Free Printing House. 18 p. (In Russ.).

Kar-3 — Karamzin, N. M. (1964). *Selected works in 2 volumes*, 2. Moscow; Leningrad: Fiction. 591 p. (In Russ.).

Kar-4 — Karamzin, N. M. (1984). *Letters of a Russian traveler*. Leningrad: Nauka Publ. 717 p. (In Russ.).

Mur — Muravyov, V. B. (2014). *Karamzin*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 479 p. ISBN 978-5-235-03684-0. (In Russ.).

NORG — *The Initial Foundations of Russian Grammar*. (1788). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 147 p. (In Russ.).

RG — Uspensky, B. A. (ed.). (1981). *"Russian Grammar" by A. A. Barsov*. Moscow: Moscow State University. 776 p. (In Russ.).

Rous — Rousseau, J. J. (1761). *Julie, ou La nouvelle Heloïse*. Amsterdam: Marc Michelret. 407 p. (In Fr.).

Rous — Rousseau, J.-J. (1961). *Selected works in 3 volumes*, 2. Moscow: State Publishing House of Fiction. 768 p. (In Russ.).

- S — Starchevsky, A. V. (2016). *Nikolay Mikhailovich Karamzin*. Moscow: Kuchkovo Pole. 320 p. ISBN 978-5-9950-0737-1. (In Russ.).
- St — Stern, L. (1903). *The life and opinions of Tristram Shandy, gentleman*. London: Grant Richards. 593 p.
- St — Stern, L. (1968). *The life and opinions of Tristram Shandy, gentleman. A sentimental journey through France and Italy*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 687 p. (In Russ.).
- Vos — Vostokov, A. (1831). *Abbreviated Russian grammar*. St. Petersburg: Printing House of the Department of National Education. 207 p. (In Russ.).

References

- Abaravičius, J. (2001). Skyrybos stilistikos paradigma. *Žmogus kalbos erdvėje, 1*: 205—208. (In Lith.).
- Bogdanov, K. A. (2022). Punctuation as a motive: ellipsis and dashes. *New literary Review, 2* (174): 241—253. DOI: 10.53953/08696365.2022.174.2.241. (In Russ.).
- Budnichenko, L. A. (2003). *Expressive punctuation in a journalistic text (based on the material of the language of newspapers)*. Saint Petersburg: St. Petersburg State University. 264 p. ISBN 5-8465-0187-7. (In Russ.).
- Chupasheva, O. M. (1994). On some punctuation features of N. M. Karamzin's fiction. In: *Formation of norms of the Russian literary language of the XVIII century: A collection of articles*. Izhevsk: UdmGU. 115—121. ISBN 5-7029-0062-6. (In Russ.).
- Dzyakovich, E. V. (1994). *Stylistic aspect of modern punctuation. Expressive punctuation techniques*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).
- Ivanova, V. F. (1979). On the initial use of dashes in the Russian press. In: *Modern Russian punctuation*. Moscow: Nauka Publ. 236—253. (In Russ.).
- Kochetkova, N. D. (1994). *Literature of Russian sentimentalism. (Aesthetic and artistic pursuits)*. Saint Petersburg: Nauka Publ. 281 p. ISBN 5-02-028096-8. (In Russ.).
- Makarova, R. V. (1967). Stylistics and punctuation marks. *Russian speech, 3*: 51—57. (In Russ.).
- Moss, R. B. (1981—1982). Sterne's punctuation. *Eighteenth-century studies, 15* (20): 179—200.
- Nebrig, A., Spoerhase, C. (2012). Für eine Stilistik der Interpunktion. In: *Die Poesie der Zeichensetzung. Studien zur Stilistik der Interpunktion*. Bern: Peter Lang. 11—31. ISBN 978-3-0343-1000-0. (In Germ.).
- Orekhova, N. N. (2000). *Punctuation and writing (based on the material of Russian and English languages)*. Izhevsk: Udmurt University Publishing House. 216 p. ISBN 5-93008-027-5. (In Russ.).
- Orlov, P. A. (1977). *Russian sentimentalism*. Moscow: Moscow State University. 270 p. (In Russ.).
- Pospelov, G. N. (1970). *Problems of literary style*. Moscow: Moscow State University. 330 p. (In Russ.).
- Sadchenko, V. T. (2009). *Secondary semiosis in a literary text*. Khabarovsk: DGGU. 243 p. (In Russ.).
- Schwarzkopf, B. S. (1988). *Modern Russian punctuation: the system and its functioning*. Moscow: Nauka. 192 p. ISBN 5-02-010873-1. (In Russ.).
- Schwarzkopf, B. S. (1990). Punctuation stylistics and its techniques. In: *The status of stylistics in modern linguistics. Abstracts of the reports of the coordination meeting*. Perm: PSU. 189—190. (In Russ.).

- Seagal, K. Ya. (2025). Verbal Message and Punctuation Marking in Their Functional Interrelationships. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 115—136. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-1-115-136>. (In Russ.).
- Shapiro, A. B. (1955). *Fundamentals of Russian punctuation*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 398 p. (In Russ.).
- Sobkin, V. S. (2020). “Ah, Poor Liza, Ah! “— the experience of psychological analysis of N. M. Karamzin’s novella. *National Psychological Journal*, 2 (38): 109—147. DOI: 10.11621/npj.2020.0210. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). “*Poor Liza*” by Karamzin. *The experience of reading: on the bicentenary of its publication*. Moscow: RGGU. 512 p. ISBN 5-7281-0020-1. (In Russ.).
- Ukhtomsky, A. A. (2002). *Dominant*. St. Petersburg: Peter. 448 p. ISBN 5-318-00067-3. (In Russ.).
- Van Peer, W. (1986). *Stylistics and psychology. Investigations of foregrounding*. London: Croom Helm Ltd. 220 p. ISBN 0-7099-2604-9.
- Vinogradov, V. V. (1999). *Pushkin’s style*. Moscow: Nauka Publ. 704 p. ISBN 5-02-011622—X. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (2002). *Essays on the history of the Russian literary language of the XVII—XIX centuries. 4th ed.* Moscow: Russian Language. 528 p. ISBN 5-200-03184-2. (In Russ.).
- Yakobson, R. (1996). *Language and the unconscious*. Moscow: Gnosis. 248 p. ISBN 5-7333-0492-8. (In Russ.).

*The article was submitted 04.09.2025;
approved after reviewing 26.01.2026;
accepted for publication 25.02.2026.*